

Если «Зеркало и свет» не принесет Хилари Мантел
третьего Букера — нет в мире справедливости.

St. Louis Post-Dispatch

Хилари Мантел

— Лауреат THE MAN BOOKER PRIZE 2009, 2012 —

ЗЕРКАЛО И СВЕТ

У римлян была «Энеида», у русских — «Война и мир»;
благодаря Хилари Мантел теперь и у нас в Англии есть подлинный эпос,
написанный на материале нашей истории.

Sunday Telegraph

Содержание

Действующие лица

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Обломки (1).

II. Спасение обломков

III. Обломки (2).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. Приращение

II. Пять Ран

III. Подлая кровь

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. Белильные поля

II. Образ короля

III. Преломлено о тело

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I. Нонсач

II. Corpus Christi

III. Наследие

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I. Вознесение

II. Двенадцатая ночь

III. Величие

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

I. Зеркало

II. Свет

Послесловие автора

Благодарности

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги
ХИЛАРИ МАНТЕЛ,
выпущенные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Вулфхолл, или Волчий зал

•

Введите обвиняемых

•

Зеркало и свет

Хилари Мантел

ЗЕРКАЛО И СВЕТО

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Hilary Mantel
THE MIRROR & THE LIGHT
Copyright © Hilary Mantel 2020
All rights reserved

Перевод с английского
Екатерины Доброхотовой-Майковой, Марины Клеветенко

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Мантел Х.

Зеркало и свет : роман / Хилари Мантел ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой, М. Клеветенко. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-19551-6

16+

Впервые на русском — «триумфальный финал завораживающей саги» (NPR), долгожданное завершение прославленной трилогии о Томасе Кромвеле, правой руке короля Генриха VIII, начатой романами «Вулфхолл» («лучший Букеровский лауреат за много лет», Scotsman) и «Введите обвиняемых», также получившим Букера, — случай беспрецедентный за всю историю премии.

Мантел «воссоздала самый важный период новой английской истории: величайший английский прозаик современности оживляет известнейшие эпизоды из прошлого Англии», говорил председатель Букеровского жюри сэр Питер Стотард. Итак, после казни Анны Болейн и женитьбы короля на Джейн Сеймур позиции Кромвеля сильны, как никогда. Он подавляет Благодатное паломничество — восстание католиков, спровоцированное закрытием монастырей, — и один из руководителей восстания, лорд Дарси, перед казнью пророчески предупреждает Кромвеля, что королевская милость не вечна. Казалось бы, хорошо известно, чем кончится эта история, — однако роман Мантел читается увлекательнее любого детектива...

В 2015 году телеканал Би-би-си экранизировал «Вулфхолл» и «Введите обвиняемых», главные роли исполнили Марк Райлэнс («Еще одна из рода Болейн», «Шпионский мост», «Дюнкерк»), Дэмиэн Льюис («Ромео и Джульетта», «Однажды в... Голливуде»), Клер Фой («Опочтарение», «Корона», «Человек на Луне»). Сериал, известный по-русски как «Волчий зал», был номинирован на премию «Золотой глобус» в трех категориях (выиграл в одной), на BAFTA — в восьми (выиграл в трех) и на «Эмми» — тоже в восьми.

© Е.М. Доброхотова-Майкова, М.В. Клеветенко, перевод, примечания, 2021

© А. Питчер, примечания, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство ИНОСТРАНКА®

Этой книгой я поставила перед собой самую сложную творческую задачу за всю свою писательскую карьеру — но и результатом довольна, как никогда. Надеюсь, и читатели не будут разочарованы после такого долгого ожидания.

Хилари Мантел

По сравнению с романами Мантел о Томасе Кромвеле 99% современной прозы выглядит бледно и бескровно.

The Times

У римлян была «Энеида», у русских — «Война и мир»; благодаря Хилари Мантел теперь и у нас в Англии есть подлинный эпос, написанный на материале нашей истории.

Sunday Telegraph

И снова шедевр. Пружина сюжета закручена неумолимо, на зависть иным триллерам. Хилари Мантел принципиально переосмыслила сам жанр исторического романа сверху донизу. Вся трилогия, вместе взятая, — величайшее достижение британской литературы в новом веке.

Observer

Редкие авторы не просто закапываются в окаменевшие напластования прошлого, но поднимают свою добычу к свету, чтобы снова блестела, нам на радость. Хилари Мантел — из их числа. «Зеркало и свет» — даже в большей степени, чем первые два романа трилогии, — обеспечивает полное погружение в сенсориум былого и держит читателя тем сильнее, чем увереннее вторгается на территорию поэзии.

*Саймон Шама, автор «Силы искусства» и «Глаз Рембрандта»
(Financial Times)*

Глубокий, драматичный, многоплановый, безумно увлекательный — не роман, а натуральное пиршество. И самое удивительное, что «Зеркало и свет» ничуть не уступает двум первым романам, получившим Букера. С чем бы сравнить... ну вот представьте, если бы третий «Крестный отец» был так же великолепен, как два первых.

*Элизабет Гилберт, автор «Есть, молиться, любить»
(The Wall Street Journal)*

«Зеркало и свет» — как богато структурированный фриз, высеченный из безупречных изысканий, восхитительных характеров и экспрессионистского языка. Хилари Мантел — наш Микеланджело от литературы.

Oprah Magazine

Прошлое под пером Мантел буквально оживает: мы до последнего верим, что Кромвель имеет шанс спастись.

Vox

Если «Зеркало и свет» не принесет Хилари Мантел третьего Букера — нет в мире справедливости.

St. Louis Post-Dispatch

История Тюдоров утрачивает здесь всю тяжеловесную привычность и становится идеальным полигоном для характерно мантеловской мускулистой прозы и беспощадного остроумия, не говоря уж о ее давней зачарованности злом и насилием, религией и призраками.

Times Literary Supplement

«Зеркало и свет» являет нам новый эталон исторической прозы на поколения вперед.

Independent

Триумфальный финал завораживающей саги; многолетнее ожидание окупилось сторицей.

National Public Radio

Шедевр, который еще долго будет радовать читателей своими богатствами, меняясь с нами вместе и с нами вместе двигаясь в будущее.

Guardian

Закрыв «Зеркало и свет», я рыдала так, как не рыдала над книгой с детства. Из кремня по имени Томас Кромвель неподражаемая Хилари Мантел высекла неугасимую искру, искра же разгорелась жарким пламенем.

*Сара Перри,
автор «Змея в Эссексе» и «Мельмота»
(Telegraph)*

Ее трилогия о Кромвеле — величайшее достижение в жанре исторического романа за последнее десятилетие.

The New York Times Book Review

Ее Томас Кромвель — персонаж одновременно шекспировской глубины и модернистской сложности. Он мог бы быть Гамлетом — или пациентом из записных книжек Фрейда: то ныряет в детские воспоминания, то воспаряет к ангельским сферам.

The Atlantic

Противоречия и шероховатость — вот что придает ценность исторической прозе. Найти форму, а не навязать форму. И позволить читателю жить с неоднозначностью. Томас Кромвель — персонаж, для которого это особенно важно. Он почти что эталон неоднозначности. Есть Кромвель популярной истории и Кромвель академической науки, и это два разных человека. Мне удалось объединить два лагеря, и теперь подоспели новые биографии Кромвеля, от популярных до самых строгих и научных. Так что у нас будет непротиворечивый Кромвель... возможно.

Хилари Мантел

Хилари Мантел — писательница, умеющая видеть сквозь кровь. Силой свой прозы она рисует моральную неоднозначность и реальную неопределенность политической жизни... Она воссоздала самый важный период новой английской истории: величайший английский прозаик современности оживляет известнейшие эпизоды из прошлого Англии.

*Сэр Питер Стотард,
председатель жюри Букеровской премии*

Литературная изобретательность Мантел не изменила; все так же метко и точно в каждом слове.

*Маргарет Этвуд
(Guardian)*

Мантел вдохновенно говорит голосом Кромвеля. Когда она создает сцены и придумывает диалоги, она убедительнее любой исторической хроники.

*Филиппа Грегори
(Sunday Express)*

Портрет Томаса Кромвеля, созданный блистательной и самобытной писательницей, ниспровергает все каноны и вполне заслуженно получил Букеровскую премию.

*Ф. Д. Джеймс
(Sunday Telegraph: Books of the Year)*

История Тюдоров, написанная мастерски и с большим знанием дела. Творение одного из лучших современных литераторов, этот грандиозный труд исследует психологию, политику и религиозное ханжество бурной эпохи Генриха VIII.

*Кейт Мосс
(The Times)*

Настолько ново и неожиданно, что наши взгляды на историю и литературу уже никогда не будут прежними.

*Том Холланд
(Sunday Telegraph)*

Удивительно, как Мантел воспроизводит язык и быт прошлого. Она перерывает исторические материалы и выкапывает мельчайшие, самые выразительные детали, воссоздающие прошлое как въявь. Диалоги настолько убедительны, что кажется, она в прежней жизни стенографировала разговоры в английских дворцах и тавернах.

*Росс Кинг
(Los Angeles Times)*

Поистине завораживает. Написано виртуозно, с глубоким знанием эпохи; за счет богатейшей фактуры тюдоровский Лондон и окружение человека, идущего в гору, воссозданы с удивительным правдоподобием. Персонажи, как реальные, так и вымышленные, от ребячески упрямого короля до кардинальского шута, обретают жизнь и замечательно передают буйный дух эпохи.

*К. Дж. Сэнсом
(автор романа «Горбун лорда Кромвеля»)*

Масштабное полотно с тончайшей проработкой деталей, композиция из множества персонажей, лапидарный стиль, создающий мощный эффект присутствия, остроумие, поэзия и богатство оттенков.

*Сара Дюнан
(автор «Рождения Венеры»)*

Хотя мы прекрасно знаем, чем все закончится, проза Мантел завораживает и волнует; история борьбы за власть разворачивается на наших глазах.

The Times: Books of the Year

Книга, от которой невозможно оторваться... Мантел пишет историческую прозу с такой разговорной живостью, что чувствуешь себя мухой на стене Кромвелева кабинета. Полный восторг от первой страницы до последней.

Mail on Sunday

Гений Мантел в том, что она пересказывает хорошо известную историю, залезая людям в голову, отыскивая тайные уголки мыслей, видя то, чего не видят другие. Я немного смущаюсь писать слово «гений», но...

Daily Mail

Мантел совершает переворот в литературе.

Times Literary Supplement

Мантел продолжает строить осязаемый тюдоровский мир.

Guardian: Books of the Year

Романы Мантел ничем не уступают «Крестному отцу»: те же эпичность, драматизм и напряжение.

Scotsman

Захватывающая история ярости и ужаса.

Independent on Sunday

Шедевр изящества и увлекательности.

Marie Claire

Проза Мантел великолепна... фактурная и в то же время простая, наполненная жизненной энергией. Для этих книг изобретен собственный язык: не тюдоровский, но интонациями воспроизводящий дух эпохи.

Canberra Times

Упоительно читать творение писательницы в расцвете сил, сплетенной в счастливых объятиях с музой, которую она себе покорила. Мантел и Томас Кромвель созданы друг для друга.

Sydney Morning Herald

Мантел знает, что выбрать, как сделать сцену живой, как вылепить персонажей. Она как будто не умеет отрешиться или обмануть... она инстинктивно хватается за реальность. Короче говоря, это писатель, наделенный тем, чему нельзя научить, — даром писать увлекательно.

The New Yorker

Мантел решительно сметает с истории паутину, снимает потемневший глянец архаичных фраз и маскарадной сентиментальности исторических романов, так что прошлое предстает нам живым, свежим и непривычным.

The New York Times Book Review

В 2009 году Хилари Мантел произвела фурор своим захватывающим романом «Вулфхолл», получившим Букеровскую премию... Кто бы думал, что история может быть настолько завлекательной?

Vanity Fair

То, что зовется трилогией «Вулфхолла», — удивительный труд, рождающийся на наших глазах. Прошлое кажется близким и — что лучше всего — непредсказуемым. Даже если вы знаете историю, вы будете глотать страницу за страницей, торопясь узнать, что же случится дальше.

People

Теперь, когда этот литературный подвиг совершен снова, мы видим, что самый умный вовсе не Кромвель; самая умная — Мантел.

The Huffington Post

Ее персонажи — реальные и живые люди, носители противоборствующих идей своего времени. Мантел делает прошлое живым и насущным.

The Economist

Остроумием, смелостью и поразительной широтой исторического знания Мантел вдохнула новую жизнь в избранную ей область.

Bookslut

Просто исключительно... Завидую тем, кто еще этого не читал.

Daily Mail

Новый уровень. История ближайшего советника Генриха VIII — лучшая историческая проза, какую мне случалось читать. Потрясающее достижение.

Sunday Telegraph

Блистательно в каждом слове... выше всяких похвал.

Spectator

Не думайте, что можете взяться за эту книгу когда угодно, — планируйте загодя, потому что оторваться от нее невозможно и, пока не дочитаете, вы толком не сможете даже спать.

Country Life

Увлекательный пересказ знакомой истории в непривычном ракурсе — мы проживаем драму пятивековой давности как современную и животрепещущую.

The Times

Мантел — изумительный писатель, тонкий стилист, соединяющий абсолютную точность с захватывающей глубиной погружения, и одновременно тонкий наблюдатель человеческой натуры.

New Statesman: Books of the Year

Лучший Букеровский лауреат за много лет. Насыщенная атмосфера, смелый повествовательный стиль, безусловный шедевр.

Scotsman: Books of the Year

Соединяя современное понимание зла с иронией, Мантел переносит нас прямиком в разум человека XVI столетия.

The Economist: Books of the Year

Ее Кромвель человечен и правдоподобен, а воссозданный ею двор Генриха VIII пугающе убедителен.

Scotsman: Books of the Year

Смело и захватывающе.

Financial Times: Books of the Year

Блестяще... Тюдоровская Англия Мантел — это сочащееся кровью мясо, кишки и грязь. Мантел заставляет нас задумываться о том, что мы якобы знаем. Есть историческая правда, а есть правда творческая. Мантел... чтит и ту и другую.

Spectator

Ошеломляюще прекрасно. Увлекательное повествование о борьбе за власть и политических махинациях и в то же время дивно поэтическое, полное ярких образов и фраз. Утонченное волшебство.

Daily Mail

Мантел создает мир настолько конкретный, что чувствуешь запах мокрого шерстяного плаща и колкие стебли тростника под ногами. Мы жадно ждем продолжения...

Daily Telegraph

Хилари Мантел не только безгранично талантлива, но и безгранично смела.

Observer

Мантел прекраснее всего в мрачных мелочах. Ощущение зла здесь густое, как дым от сожженной человеческой плоти, и от него перехватывает дыхание. Вот на что изредка способно слово в высшем своем проявлении.

Financial Times

Великолепно... Никогда еще не было такого сильного фаворита на Букер; не зря говорят, что Мантел наполнила само понятие исторического романа совершенно новым смыслом. В прозе Мантел есть безусловная уверенность Мюриель Спарк, и у читателя не возникает вопросов, откуда она столько знает про те времена, как не возникает сомнений и в ее оценке событий.

Evening Standard

Согласны мы с тем, как госпожа Мантел трактует историю, или нет, ее персонажи обладают собственной жизненной силой, шекспировской мощью. Стилистически ее подход «незримого наблюдателя» достигается через настоящее время, которым она владеет блестяще. Ее проза насыщена и энергична. Диалоги не рядятся в тюдоровскую мишуру, а написаны современным языком.

The Economist

Великолепный портрет общества в эпоху пугающих перемен, а в центре этого портрета — Томас Кромвель, могущественный советник Генриха. Проза Мантел — на удивление упругая и точная.

The Washington Post

Мантел интересуют вопросы добра и зла в применении к людям, наделенным огромной властью. Отсюда ненависть, ликование, сделки, шпионы, казни и роскошные наряды... Она всегда стремится к цвету, богатству, музыке. Она внимательно читала Шекспира, но слышны и отзвуки молодого Джеймса Джойса.

The New Yorker

Мантел не просто приближает прошлое, а одним махом переносит нас туда своей искусной и мрачной прозой. Мы — путешественники во времени, очутившиеся в чужом мире... Интриги и переживания далекой эпохи превращают книгу в долгое изысканное удовольствие.

The Boston Globe

Шедевр исторической литературы... олицетворяет то, что последнее время казалось таким же мифическим, как принцессы-змеи: великий английский роман.

Bloomberg News

Мантел исследует темные течения политики XVI века и создает на удивление современного персонажа и конфликты.

The Christian Science Monitor

История Кромвеля оживает в динамичной и умной прозе госпожи Мантел... Мантел берет традиционный исторический костяк и наращивает на него фантасмагорическое разнообразие трудов и тактик, успехов и уловок своих героев.

Washington Times

Не бывает новых историй, есть только новые способы их рассказать. Мантел как писатель дерзновенна не меньше Анны Болейн; она сочиняет личные разговоры известных людей, и они читаются так, будто она их подслушала.

People Magazine

Любители исторической прозы — и великой литературы — должны визжать от восторга.

USA Today

Это тугой клубок интриг, а исторические фигуры кажутся, как никогда, живыми и человечными!

Miami Herald

Искусно сплетая историю и вымысел, Мантел рисует грандиозную картину тюдоровской Англии. Блестяще выстроенный сюжет и захватывающие диалоги...

St. Louis Post-Dispatch

На сцене истории выступает монарх, но кто-то должен за кулисами управлять всем балаганом. Для Генриха VIII этим человеком был Томас Кромвель, по крайней мере часть его царствования. У Генриха был свой способ избавляться от надоевших приближенных — топор, — и многие его советники сложили головы на плахе. Кромвель (очень дальний родственник Оливера Кромвеля, который тоже многих казнил) эффективно привел в исполнение грандиозный королевский проект по отделению церкви от Рима, но в конце концов навлек на себя гнев раздражительного Генриха (того самого, у которого было столько жен!) и был казнен. Большинство американцев простительно путает Кромвелей, но англичане знают, что это два разных человека. Томаса обычно изображают хитрым безжалостным негодяем, который уничтожал монастыри и преследовал реальных и мнимых врагов короля, мешавших тому подмять под себя католическую церковь в Англии. Все это происходило в XVI веке, когда Англию раздирали религиозные споры, а король все не мог дождаться наследника. Генрих был женат на Екатерине Арагонской, испанке, вдове его старшего брата, и та никак не могла родить сына. У нее была только дочь, Мария, которая позже наделала столько бед. С помощью Кромвеля Генрих променял Екатерину на более молодую и теоретически более

плодовитую Анну Болейн. Хотя вся история больше отдает коневодством, любители королевских особ ею упиваются. Она романтизирована и мифологизирована, и часто человеческое измерение заслоняет все остальное. Хилари Мантел блистательно восстановила историческое измерение... Погрузившись в ее прозу, вы окажетесь в мире Кромвеля и увидите его с той полнотой, какую дает только литература.

Pittsburgh Post-Gazette

В отличие от аристократов, для которых простонародье — почти инопланетная раса, Кромвель помнит жизнь простых людей и насущные нужды страны: дороги, лучшее питание, даже карты... Мантел пишет ясно и без лишних ухищрений; она воссоздает эпоху, не прибегая к архаичной речи. Огромная подготовительная работа нигде не выпирает на поверхность, но мелкие подробности рисуют осязаемую картину. Действие в значительной мере состоит из диалогов, ведь для Кромвеля слова — хлеб насущный...

Portsmouth Herald

Можно с уверенностью сказать, что романы обращаются к периоду кардинального социокультурного прорыва. Томас Кромвель, по Х. Мантел, не только персонаж истории Англии, во многом определивший этот «дрейф» страны в сторону нового мироустройства, но и личность, которая, по сути, являла собою образ новой страны, нового мышления, отношения к людям, законам, правилам и нормам бытия.

История в представлении Мантел не только политика, политические события и политические фигуры, но нечто более объемное, глубокое, одновременно более сущностное и обобщенное. Мантел понимает, что с точки зрения реконструкции истории важно все ее «тело». Наверное, поэтому в романах так много того, что называется «реалии», артефакты, физическая субстанция прошлого в ее телесности и осязаемости. Именно при их помощи скорее всего и легче всего реконструируется прошлое.

Борис Проскурнин
(Филологический класс)

Читается этот политический экшн, скажем прямо, не всегда легко (а кто сказал, что заниматься интригами в Англии XVI века легко?), но очарование живого, трепещущего исторического действа того стоит. Да и харизма самого Томаса Кромвеля тоже — не обаяние зла, не обаяние наглого выскочки, но почти магические флюиды универсального ренессансного человека-который-кажется-знает-и-умеет-все... хотя, надо признаться, есть в мантелевском Кромвеле и что-то от крутых, опасных парней из американского кино. В любом случае у Хилари Мантел получилось создать персонаж, в который можно влюбиться, — а это, согласитесь, один из лучших способов выучить историю.

Мария Мельникова
(Книжное обозрение)

Чем на этой поляне, вытоптанной до зыбисин десятками писателей и сотнями историков, можно еще удивить? Оказалось, главным героем. Мантел выбрала Томаса Кромвеля, нежно полюбила, переименовала его давно сложившийся демонический образ и не прогадала. Если иные утверждают — льстил и манипулировал, автор отвечает: был внимателен и умел убеждать. И не жадный, а хозяйственный. Не хитрый, а рациональный. Не мстительный, а последовательный. Не выскочка, а *self-made man*.

Чтобы упрочить свидетельскую правдивость героя, автор плотно набивает тексты подлинными вещами. Когда упоминает латинское издание «Государя» Макиавелли, золоченую звезду для новогоднего дерева, подаренный архиепископом перстень, резные шахматы — не сомневайтесь: существование этих предметов документально подтверждено.

Остальное — кривотолки: главная движущая сила сюжетов. Все интригуют против всех, о важнейших событиях узнают по сплетням, власть зиждется на заговорах, государственные решения зависят от придворных фейков. Мантел мастерски передает атмосферу словесной вакханалии — романная действительность соткана ею из диалогов. Отточенных, как меч казнившего Анну палача. Энергичных, как алчущие выгоды аристократы. Раскрывающих замыслы собеседников «от» и «до». И предельно информативных. Как те слухи, коими полнятся эти книги.

Big Kyiv

Мантел не предлагает никаких постмодернистских ребусов «переведи то время в наше», как это было, например, в «Имени Розы» Умберто Эко. И точно так же нет в ее книгах политической назидательности, ради которой пишут такие тексты многие современные романисты (из соотечественников, например, Дмитрий Быков и Леонид Юзефович), у которых прошлое — всего лишь метафора нашего времени, а знаменитые «мертвецы» оказываются всего лишь удобными трансляторами авторских мыслей о современном. Мантел же совсем не интересуется совпадение теперешней картинке с трафаретом прошлого. Вообще, если ее что-нибудь интересует, помимо собственно фигуры ее главного героя, — то это то, что называется «судом истории», и его справедливость.

При жизни Томас Кромвель практически официально был «самым ненавидимым человеком в Англии». Жесткость, с которой он закрывал монастыри и подавлял восстания монахов, угнетала даже короля, в пользу которого это все и делалось. При этом Кромвель, как оно часто и бывает, был умным государственным и прекрасным администратором.

«Не мертвые преследуют живых, а живые — мертвых. Кости и черепа вытряхивают из саванов, в лязгающие челюсти, как камни, бросают слова. Мы исправляем книги, оставшиеся от покойников, переписываем их жизнь». Если Хилари Мантел и стоило давать беспрецедентных Букеров — подряд за первую и вторую часть ее трилогии, — то за это высказывание. За признание своего (то есть писательского вообще) произвола, позволяющего делать давние жизни и смерти козырями в своей игре.

*Анна Наринская
(Коммерсантъ)*

Сначала ты ждешь Букеровскую премию двадцать лет, а потом получаешь сразу две. Сейчас мне предстоит сложная задача: пойти и написать третью часть. Я, конечно, не рассчитываю стоять на этой сцене снова, но рассматриваю премию как знак доверия.

*Хилари Мантел
(из речи на Букеровской церемонии)*

Мэри Робертсон
в честь многолетней дружбы

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Покойники

Анна Болейн, королева Англии.

Ее предполагаемые любовники:

Джордж Болейн, виконт Рочфорд, ее брат.

Генри Норрис, главный из джентльменов, состоящих при короле.

Фрэнсис Уэстон и Уильям Брертон, джентльмены из окружения короля.

Марк Смитон, музыкант.

Дом Кромвеля

Томас Кромвель, позднее лорд Кромвель, государственный секретарь, лорд — хранитель малой королевской печати, викарий короля по делам церкви.

Грегори, его сын, единственный выживший ребенок от брака с Элизабет Уайкис.

Мерси Прайор, его теща.

Рейф Сэдлер, его старший письмоводитель, который вырос в семье Кромвеля, позднее приближенный короля.

Хелен, жена Рейфа.

Ричард Кромвель, его племянник, женатый на Франсис Мерфин.

Томас Авери, его домашний счетовод.

Терстон, его главный повар.

Дик Персер, псарь.

Женнеке, дочь Кромвеля (вымышленный персонаж).

Кристоф, слуга (вымышленный персонаж).

Мэтью, слуга, ранее служивший в Вулфхолле (вымышленный персонаж).

Бастингс, рулевой барки (вымышленный персонаж).

Семья и двор короля

Генрих VIII.

Джейн Сеймур, его третья жена.

Эдуард, его малолетний сын, рожденный в 1537 году, наследник престола.

Генри Фицрой, герцог Ричмондский, незаконнорожденный сын Генриха от Элизабет Блаунт, женатый на Мэри Говард, дочери герцога Норфолка.

Мария, дочь Генриха от Екатерины Арагонской, лишена права престолонаследия после того, как брак ее родителей был признан недействительным.

Елизавета, малолетняя дочь Генриха от Анны Болейн, лишена права престолонаследия после того, как второй брак короля был признан недействительным.

Анна, сестра герцога Вильгельма Клевского, четвертая жена Генриха.

Кэтрин Говард, фрейлина Анны, пятая жена Генриха.

Маргарет Дуглас, племянница Генриха, дочь его сестры Маргариты от второго брака с Арчибальдом Дугласом, графом Ангусом, выросла при дворе Генриха.

Уильям Беттс, врач.

Уолтер Кромер, врач.

Джон Чамберс, врач.

Ганс Гольбейн, художник.

Секстон, известный как Заплата, шут, ранее состоял при Вулси.

Семейство Сеймуров

Эдвард Сеймур, старший сын, женатый на Энн (Нэн) Стэнхоуп.

Леди Марджери Сеймур, его мать.

Томас Сеймур, его младший брат.

Элизабет Сеймур, его сестра; вдова сэра Антони Отреда, впоследствии жена Грегори Кромвеля.

Политики и церковники

Томас Ризли, прозванный Зовите-меня, хранитель личной королевской печати, бывший протеже Гардинера, впоследствии переметнувшийся к Кромвелю.

Стивен Гардинер, епископ Винчестерский, посол во Франции, бывший секретарь кардинала Вулси, впоследствии королевский секретарь, чья должность перешла к Кромвелю.

Ричард Рич, спикер палаты общин, канцлер палаты приращений.

Томас Одли, лорд-канцлер.

Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский.

Роберт Барнс, лютеранский священник.

Хью Латимер, реформат, епископ Вустерский.

Ричард Сэмпсон, епископ Чичестерский, специалист в каноническом праве, консерватор.

Катберт Тунстолл, епископ Даремский, бывший епископ Лондонский.

Джон Стоксли, епископ Лондонский, консерватор, соратник казненного Томаса Мора.

Эдмунд Боннер, посол во Франции после Гардинера, епископ Лондонский после Стоксли.

Джон Ламберт, священник-реформат, обвиненный в ереси и сожженный на костре в 1538 году.

Придворные и аристократы

Томас Говард, герцог Норфолкский.

Генри Говард, его сын, граф Суррейский.

Мэри Говард, его дочь, замужем за Фицроем, королевским бастардом.

Томас Говард, его единокровный брат, известный как Правдивый Том.

Чарльз Брэндон, герцог Суффолкский, старый друг Генриха, был женат на его покойной сестре Марии.

Томас Уайетт, друг Кромвеля, поэт, дипломат, предполагаемый любовник Анны Болейн.

Генри Уайетт, его престарелый отец, давний сторонник Тюдоров.

Бесс Даррелл, любовница Уайетта, ранее фрейлина Екатерины Арагонской.

Уильям Фицуильям, позднее лорд-адмирал и граф Саутгемптон, союзник Кромвеля.

Николас Кэрю, видный придворный, сторонник Марии, дочери короля.

Элиза Кэрю, его жена, сестра Фрэнсиса Брайана.

Фрэнсис Брайан, прозванный Наместником Сатаны, закоренелый игрок и недипломатичный дипломат, шурин Николаса Кэрю.

Томас Калпепер, джентльмен из свиты короля.

Филип Хоуби, джентльмен из свиты короля.

Джейн Рочфорд, фрейлина, вдова казненного Джорджа Болейна.

Томас Болейн, граф Уилтширский, отец Анны Болейн и Джорджа Болейна.

Мэри Шелтон, кузина Анны Болейн и бывшая фрейлина.
Мэри Маунтигл, фрейлина.

Нэн Зуш, фрейлина.

Кэтрин, леди Латимер, урожденная Кэтрин Парр.

Генри Буршье, граф Эссекский.

Двор королевских детей

Джон Шелтон, распорядитель двора королевских дочерей.

Энн Шелтон, его жена, тетя Анны Болейн.

Леди Брайан, мать Фрэнсиса Брайана и Элизы Кэрю, воспитательница королевских дочерей Марии и Елизаветы, позднее малолетнего Эдуарда.

В монастыре в Шефтсбери

Элизабет Зуш, настоятельница.

Доротея Вулси, известная как Доротея Клэнси, незаконнорожденная дочь кардинала.

Соперники Генриха в борьбе за трон

Генри Куртенэ, маркиз Эксетерский, потомок дочери Эдуарда IV.

Гертруда, его жена.

Маргарет Поль, графиня Солсбери, племянница Эдуарда IV.

Генри, лорд Монтегю, ее старший сын.

Реджинальд Поль, ее сын, предполагаемый вождь крестового похода с целью вернуть Англию под власть папы.

Джеффри Поль, ее сын.

Констанция, жена Джеффри.

Дипломаты

Эсташ Шапюи, посол императора Карла V в Лондоне, франкоговорящий савояр.

Диего Уртадо де Мендоса, посол императора.

Жан де Дентвиль, французский посол.

Луи де Перро, сеньор де Кастильон, французский посол.

Антуан де Кастельно, епископ Тарба, французский посол.

Шарль де Марильяк, французский посол.

Гохштеден, посланник Клеве.

Олислегер, посланник Клеве.

Харст, посланник Клеве.

В Кале

Лорд Лайл, лорд-наместник, губернатор, дядя короля.

Хонор, его жена.

Энн Бассет, одна из дочерей Хонор от первого брака.

Джон Хуси, чиновник из гарнизона Кале, поверенный Лайла.

В Тауэре

Сэр Уильям Кингстон, королевский советник, комендант Тауэра.

Эдмунд Уолсингем, смотритель Тауэра, его заместитель.

Мартин, тюремный надзиратель (вымышленный персонаж).

Друзья Кромвеля

Хемфри Монмаут, лондонский купец, побывавший в тюрьме за то, что дал приют Уильяму Тиндейлу, переводчику Библии на английский язык.

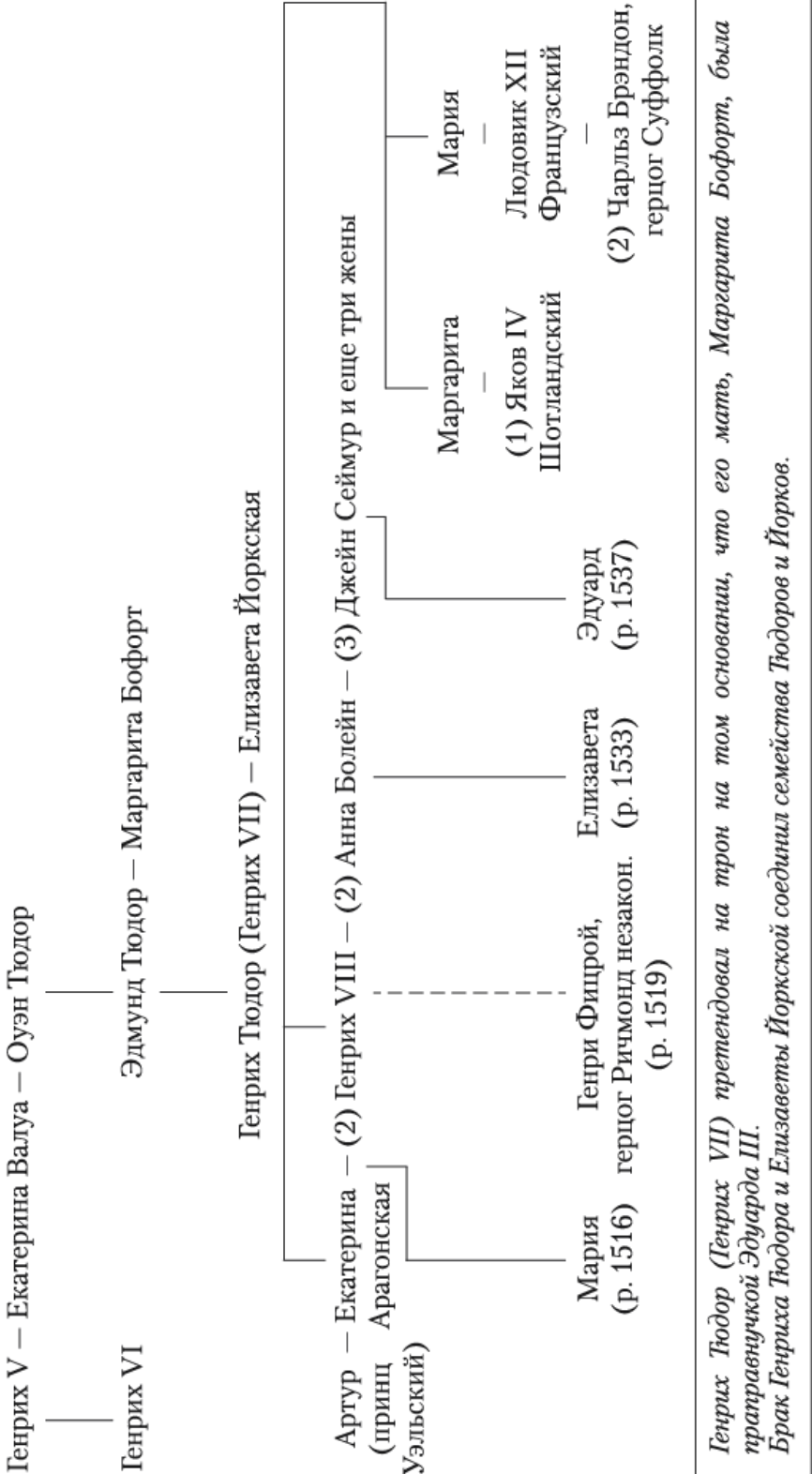
Роберт Пакингтон, купец и член парламента.

Стивен Воэн, антверпенский купец.

Маргарет Вернон, аббатиса, ранее наставница Грегори.

Джон Бойл, монах-расстрига, драматург.

Тюдоры (упрощенная схема)

Соперники Генриха VIII из семейства Йорков

